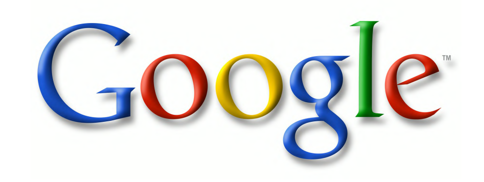

SAITOV
FEDOR GRIGOR'EVICH
KARIN

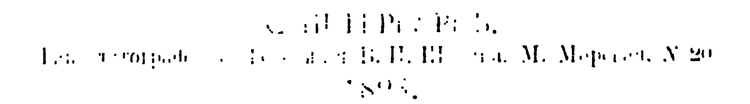
Изданіе редакціи журнала «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго).

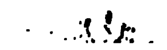
В. И. Саитовъ.

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

КАРИНЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 апрѣля 1893 года.

Өедоръ Григорьевичъ Каринъ.

Одинъ изъ малоизвѣстныхъ писателей второй половины XVIII вѣка.

Родъ Кариныхъ [1]), внесенный въ 1790 году въ 6-ю часть московской дворянской родословной книги, принадлежитъ къ числу малоизвѣстныхъ дворянскихъ родовъ. Изъ поколѣнной росписи Кариныхъ, родоначальникомъ которыхъ названъ Молчанъ, видно, что потомки его въ XVII вѣкѣ служили по Галичу, гдѣ и были обезпечены за свою службу большими помѣстными окладами. Такъ, сынъ Молчана, Дмитрій Молчановъ Каринъ, умершій въ 1632 году, имѣлъ въ Костромскомъ и Галицкомъ уѣздахъ помѣстный окладъ въ 300 четвертей, а братъ его Проклъ въ 450 четвертей [2]).

Въ XVIII столѣтіи самымъ виднымъ представителемъ этой фамиліи былъ Ө. Г. Каринъ, родившійся въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ. О родителяхъ Карина мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что отецъ Өедора Григорьевича, Григорій Өедоровичъ, дослужился до чина статскаго совѣтника и 13-го мая 1754 г. былъ уволенъ въ отставку [3]). Кромѣ младшаго сына, Өедора, у Григорія Өедоровича было еще двое

---

[1]) Въ оффиціальныхъ документахъ XVIII-го столѣтія они именовались иногда Кориными.

[2]) Изъ дѣла департамента герольдіи 1841 г., № $^{215}/_{2}$. Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній мы обязаны А. П. Барсукову.

[3]) *П. И. Барановъ*. Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ, т. III. С.-Пб., 1878, стр. 291 и указатель. стр. 152.

сыновей: Александръ, Николай и дочь Вѣра [1]), въ 1755 году вышедшая замужъ за гвардейскаго офицера Ивана Михайловича Хвостова. Отъ этого брака родился извѣстный впослѣдствіи метроманъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ [2]), приходившійся такимъ образомъ роднымъ племянникомъ Ѳ. Г. Карину [3]).

Младшій Каринъ получилъ образованіе въ Академической гимназіи, бывшей при Московскомъ университетѣ. Имя его впервые встрѣчается въ спискахъ благородныхъ учениковъ помянутой гимназіи за 1758 годъ [4]). Хотя графъ Хвостовъ и говоритъ, что дядя его обучался въ университетѣ [5]), но свидѣтельство это ничѣмъ не подтверждается. Весьма вѣроятно, что въ понятіи Хвостова гимназія и университетъ сливались въ одно. По словамъ П. И. Страхова, «учиться въ гимназіи то же самое значило, что и учиться въ университетѣ; названіе: гимназія и его настоящій смыслъ понимали и знали весьма немногіе... Это всеобщее мнѣніе о тождествѣ университета и гимназіи было не совсѣмъ безосновательно еще и потому, что и здѣсь и тамъ изучались почти одни и тѣ же предметы въ неодинаковомъ лишь объемѣ... Почему самая большая половина учившихся довольствовалась лишь гимназическимъ образованіемъ; въ университетъ же поступали немногіе, особенно желавшіе посвятить себя наукамъ» [6]).

Академическая гимназія въ первые годы своего существованія, какъ и всякое новое учрежденіе не отличалась благоустройствомъ. Постановка школьнаго дѣла была на столько слаба, что даже лучшіе и способнѣйшіе ученики оканчивали курсъ съ весьма скуднымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, какъ это и видно, между прочимъ изъ «Чистосердечнаго признанія» Фонвизина, который за все время пребыванія въ стѣнахъ университета вынесъ только знаніе латинскаго языка и «довольно» нѣмецкаго. Тѣмъ не менѣе Фонвизинъ съ благодарностію вспоминалъ о воспитавшемъ его учебномъ заведеніи, потому что «въ *немъ* паче всего получилъ вкусъ

---

[1]) Род. 18-го іюня 1738 г., ум. 27-го декабря 1812 г.

[2]) Род. 19-го іюля 1757 г., ум. 22-го октября 1835 г.

[3]) *В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ.* Родословный Сборникъ. т. II. С.-Пб., 1887, стр. 585.

[4]) Біографическій словарь воспитанниковъ Московскаго университета. стр. 193. Сообщеніемъ этой библіографической рѣдкости мы обязаны Л. Н. Майкову.—Ср. также *Моск. Вѣдомости* 1758 г., № 38 и прибавленіе къ № 101.

[5]) Лирическія стихотворенія гр. *Хвостова*, т. I. С.-Пб., 1828, стр. 304.

[6]) Краткая исторія Академической гимназіи. М. 1855, стр. 4—5.

къ словеснымъ наукамъ». А развивать этотъ вкусъ въ русскомъ обществѣ и было одною изъ главныхъ задачъ университета, который стоялъ во главѣ литературнаго движенія въ Москвѣ.

Каринъ также принадлежалъ къ числу хорошихъ воспитанниковъ и получалъ награды, оказывая наибольшіе успѣхи въ классахъ латинскаго и французскаго языковъ [1]), но безъ преувеличенія можно сказать, въ познаніяхъ не пошелъ далѣе своего знаменитаго современника. Что же касается господствовавшаго въ университетѣ литературнаго направленія, то оно отразилось на немъ такъ же благотворно, какъ на Фонвизинѣ и на многихъ университетскихъ питомцахъ. Благодаря этому направленію и знанію французскаго языка, Каринъ и могъ довершить свое образованіе путемъ непосредственнаго знакомства съ французской литературой, вліяніе которой въ то время было столь могущественно.

По окончаніи курса Каринъ поступилъ въ военную службу, но гдѣ именно служилъ—мы не могли доискаться. Въ Словарѣ митрополита Евгенія онъ названъ армейскимъ поручикомъ въ отставкѣ. Однако трудно допустить, чтобы богатый дворянинъ съ связями, вопреки обычаю того времени, поступилъ на службу въ армію, тѣмъ болѣе, что братья его были гвардейцами. По всей вѣроятности, и Ѳ. Каринъ находился въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, но, по выходѣ въ отставку, награжденъ чиномъ армейскаго поручика, что составляло довольно обыкновенное явленіе въ XVIII вѣкѣ. Какъ бы то ни было, но время до женитьбы своей Каринъ провелъ попеременно въ Петербургѣ и въ Москвѣ, вращаясь среди аристократическаго общества обѣихъ столицъ. Обладая большимъ состояніемъ, красивый собою, остроумный, съ изящными манерами и не менѣе того изящною французскою рѣчью, юноша Каринъ производилъ на окружающихъ самое выгодное впечатлѣніе. Глинка разсказываетъ, что однажды у Я. Б. Княжнина собралось избранное общество. Въ числѣ гостей находились Ѳ. Г. Каринъ и Г. А. Потемкинъ. Всѣ были веселы, довольны и вели между собою оживленную бесѣду съ примѣсью аттическихъ остротъ. Вѣчно угрюмый Потемкинъ также развеселился и за бокаломъ шампанскаго, обратясь къ Карину, сказалъ:

---

[1]) *Моск. Вѣдомости* 1758 г. Прибавленіе къ № 38.—Хвостовъ говоритъ, что Каринъ въ 1762 году получилъ за свои успѣхи французскую книжку: Жизнь Эпаминонда, съ латинскою надписью (Лирическія стихотворенія, т. 1, стр. 304).

Ты, Каринъ,—
Райскій кринъ;
Ты лилеи
Намъ милѣе,
Многихъ умниковъ умнѣе
И весеннихъ дней яснѣе.

Находчивый юноша тотчасъ же отвѣчалъ:

Не Каринъ—
Райскій кринъ;
Ты всѣхъ розъ для насъ алѣе
И милѣе всѣхъ цвѣтовъ;
Ты въ битвахъ—громовъ страшнѣе,
А съ друзьями—весь любовь [1]).

Знакомства Карина не ограничивались однимъ аристократическимъ кругомъ. Какъ любитель литературы, онъ искалъ сближенія и съ представителями ея. Къ числу послѣднихъ принадлежали: А. П. Сумароковъ, дочь котораго, Александру Петровну, онъ просваталъ за Я. Б. Княжнина, И. И. Хемницеръ, часто гостившій у Карина, Е. И. Костровъ, находившійся подъ особеннымъ его покровительствомъ, и юный въ ту пору И. А. Крыловъ. Называя этихъ лицъ, Глинка замѣчаетъ, что Каринъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, былъ знакомъ со всѣми современными ему писателями, кромѣ Дмитріева и Карамзина [2]). Графъ Хвостовъ упоминаетъ о близкомъ знакомствѣ Карина съ профессорами Московскаго университета А. А. Барсовымъ, П. Д. Веніаминовымъ, С. Е. Десницкимъ и профессоромъ Московскаго госпиталя П. И. Погорецкимъ [3]).

Жизнь свою Каринъ проводилъ шумно и весело, въ беззаботной праздности, среди всевозможныхъ роскошныхъ причудъ и пировъ. Онъ не былъ картежникомъ и волокитой, но имѣлъ другую страсть — ко псовой охотѣ. Для этой забавы онъ держалъ цѣлый полкъ нарядныхъ егерей, псарей, стрѣлковъ и стаи гончихъ и борзыхъ, за которыхъ платилъ иногда бѣшеныя деньги, чтобы только имѣть возможность блеснуть и похвастаться предъ другими своимъ пріобрѣтеніемъ. Каждая поѣздка на охоту непремѣнно сопровождалась и рядомъ пиршествъ, для чего заранѣе уже дѣлались

---

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 809—810.—Репертуаръ русскаго театра на 1841 г., кн., II, № 5, стр. 61—62.

[2]) Тамъ же.

[3]) Лирическія стихотворенія гр. *Хвостова*, т. I стр. 304.

приготовленія и снаряжался цѣлый обозъ съ провизіей, дорогими винами и всевозможными гастрономическими предметами [1]).

13-го мая 1772 г. Каринъ вступилъ въ бракъ съ княжной Анной Михайловной Голицыной [2]), дочерью князя Михаила Алексѣевича [3]), извѣстнаго шута при дворѣ Анны Іоанновны, и его четвертой жены, Аграфены Алексѣевны, рожденной Хвостовой [4]).

Но женитьба не исправила Карина, и онъ продолжалъ вести свой эпикурейскій образъ жизни. Дѣло кончилось тѣмъ, что изъ 7000 душъ, принадлежавшихъ Карину, къ концу его жизни осталось менѣе половины, а самъ владѣлецъ ихъ получилъ подагру и попалъ подъ опеку. Въ числѣ опекуновъ его былъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій [5]).

Въ 1799 году, 28-го апрѣля, состоялся слѣдующій высочайшій указъ Сенату: «Взятое въ опеку имѣніе вологодскаго помѣщика, поручика Карина, повелѣваемъ, раздѣля на три части, двѣ изъ нихъ отдать, по желанію и просьбѣ его, дочери его, находящейся въ замужествѣ за отставнымъ капитаномъ Авдулинымъ, одну въ наслѣдственное владѣніе, а другую для уплаты имѣющихся на отцѣ ея долговъ, съ предостереженіемъ, чтобы заимодавцы были непремѣнно удовлетворены; остальную же, третью часть, не отдавая ему, Карину, яко замѣченному въ непорядочномъ управленіи крестьянами, оставить въ опекѣ, которая и имѣетъ изъ доходовъ производить ему на содержаніе» [6]).

Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ присоединялась и семейная неурядица. Въ брачной жизни Каринъ былъ несчастливъ, и размолвка съ женою довела его до такого состоянія, что изъ кроткаго, снисходительнаго человѣка онъ сдѣлался въ высшей степени раздражительнымъ и нетерпимымъ. Но и въ эти тяжелые годы бывали моменты въ жизни Карина, когда онъ невольно проявлялъ врожденную доброту своего сердца. Такъ, по словамъ Глинки, онъ усыновилъ четырехъ бѣдныхъ сиротъ, дѣтей своего однофамильца, московскаго архитектора Карина; былъ виновникомъ освобожденія Д. Н. Ка-

---

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 810—811.

[2]) Род. 29-го января 1748 г., ум. 1813 г. (Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ, собранные кн. *Н. Н. Голицынымъ*. Кіевъ, 1888, стр. 20, 26).

[3]) Род. 27-го октября 1687 г., ум. 1775 г.

[4]) Род. 14-го іюня 1723 г., ум. 10-го мая 1750 г.

[5]) *Русск. Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 811.

[6]) Сенатскій Архивъ. С.-Пб. 1888, т. I, стр. 523.

шина [1]), который былъ крѣпостнымъ человѣкомъ Г. И. Бибикова. Заботы Карина о самомъ Глинкѣ выразились въ томъ, что однажды онъ преподнесъ ему дарственную запись на 60 своихъ калужскихъ душъ, отъ которыхъ Глинка однако отказался [2]).

Послѣ наложенія опеки Каринъ прожилъ недолго. 8-го іюня 1800 г. состоялся уже новый указъ, о снятіи опеки «съ имѣнія оставшагося по смерти отставнаго поручика Карина» [3]).

Спустя четыре года по смерти Карина, графъ Хвостовъ представилъ на страницахъ журнала *Другъ Просвѣщенія* [4]) слѣдующую характеристику своего дяди, какъ писателя: «Онъ былъ извѣстенъ по своему разуму, просвѣщенію и оставилъ сочиненія и переводы, свидѣтельствующіе о его дарованіяхъ. Онъ боялся имени сочинителя, а паче стихотворца, и для того мало ввѣрялъ произведенія пера своего печати. Былъ неприступный стражъ красотъ и правилъ языка, цѣнитель строгій, но справедливый и весьма полезный для друзей своихъ, съ музами знакомство имѣющихъ. Слогъ его въ прозѣ чистъ, быстръ и обиленъ богатыми мыслями».

Отзывъ гр. Хвостова нисколько не противорѣчитъ болѣе раннимъ отзывамъ другихъ современниковъ Карина, подобно ему подвизавшихся на литературномъ поприщѣ. Такъ, Новиковъ, приписывая Карину «похвальныя склонности къ словеснымъ наукамъ», отзывается о немъ, какъ объ искусномъ переводчикѣ [5]) Н. Е. Струйскій въ стихотворномъ посланіи къ Карину, называя послѣдняго «Боало русскихъ странъ», говоритъ:

Безъ лести я къ тебѣ почтеніе питаю
И къ музѣ я твоей моею прилетаю:
Ты—строгій судія, но ты и справедливъ.

---

[1]) Даніилъ Никитичъ Кашинъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1841), авторъ „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ и изданныхъ для пѣнія и фортепіано" (М. 1833—34), былъ ученикомъ Сарти и преподавалъ музыку въ Московскомъ университетѣ, а также состоялъ капельмейстеромъ Московскаго театра. Каринъ узналъ Кашина въ концѣ 1798 г., когда переводилъ для Сандуновой оперу «Медея».

[2]) *Р. Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 812.

[3]) Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 623. Такимъ образомъ М. Н. Лонгиновъ неосновательно предполагалъ ошибку въ Словарѣ митрополита *Евгенія* относительно года кончины Карина (*Русск. Старина* 1870 г., т. II, стр. 75).

[4]) 1804 г., ч. IV, стр. 106—107.

[5]) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. *П. А. Ефремова*. С.-Пб. 1867, стр. 49—50.

Нѣсколько далѣе онъ восклицаетъ:

Но ты, въ поэтахъ Брутъ, еще-ль ты спишь?...
Почто желанію друзей своихъ не внемлешь,
Которы отъ тебя надѣются того,
На русскомъ языкѣ не много есть чего.
Пороки въ насъ разить—не дѣло-ль благородно
Межъ прочихъ стихотворствъ твоей то музѣ сродно.
И видѣли ужъ мы, каковъ твой слогъ и тонъ.

Въ другомъ стихотвореніи Струйскій опять прибѣгаетъ къ сравненію Карина съ Боало и выражается такъ:

Вновь нашихъ странъ Деспро быть могъ бы онъ, я чаю,
Когда-бъ сей въ немъ талантъ, кой высится до звѣздъ,
Въ немъ уважаемъ былъ, сколь прочи русски враки [1]).

Николевъ, въ 1779 году, по поводу выхода въ свѣтъ Вольтеровой «Заиры» въ переводѣ Адріана Дубровскаго, обратился къ Карину съ «Письмомъ», начальныя строки котораго заключаютъ въ себѣ слѣдующій перечень литературныхъ заслугъ Карина:

Парнасскихъ областей почетный гражданинъ,
Который съ музами имѣя переписки,
Привыкъ о письменахъ судить не безъ причинъ;
Чьи переводы всѣ столь съ подлинными близки,
Столь точны, хороши, что часто мыслитъ чтецъ,
Не переводчикъ ли ихъ истинный творецъ;
Кто намъ Гельвеція и Томаса творенья
Далъ видѣть съ ихъ красой на русскомъ языкѣ;
Кто школьной ябеды, педантовъ грубыхъ пренья,
(У коихъ лишь торчатъ кавычки въ израчкѣ),
Хотя, какъ пустяковъ, и самъ терпѣть не можетъ,
Но портитъ кто языкъ, а смыслъ до смерти бьетъ,
Тому при случаѣ съ указкою доложитъ,
Что противъ правилъ онъ и противъ смысла вретъ,
То отъ невѣжества, то отъ кудрявой школы,
Гдѣ часто въ правилахъ велики пересолы.
Но, словомъ, я къ тебѣ, пріятель мой Каринъ,
Урода новаго въ печати посылаю:
Прочти стишокъ, другой... и больше не желаю [2]).

Разсматривая приведенные отзывы, нельзя не признать, что хотя нѣкоторые изъ нихъ и заключаютъ въ себѣ преувеличенные похвалы, но въ общемъ представляютъ довольно вѣрную характе-

[1]) Сочиненія *Николая Струйскаго.* Часть 1-я. С.-Пб. 1790, стр. 188—189, 150.

[2]) Творенія *Н. П. Николева*, ч. IV, М. 1797, стр. 168—169.

ристику литературной дѣятельности Карина, который, если не по таланту, то по уму и образованію занималъ не послѣднее мѣсто среди второстепенныхъ писателей екатерининской эпохи.

Каринъ выступилъ на литературное поприще вскорѣ послѣ смерти Ломоносова, когда ложно-классицизмъ, водворившійся на Руси еще въ сороковыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, имѣлъ своимъ популярнѣйшимъ представителемъ Сумарокова, который занималъ первенствующее мѣсто среди русскихъ писателей того времени. Въ читающей публикѣ Сумароковъ пріобрѣлъ поклонниковъ, благодаря своей живой, разнообразной дѣятельности; молодое поколѣніе писателей шло за нимъ, какъ за главой господствовавшаго направленія. Преклоняясь предъ литературнымъ авторитетомъ Сумарокова, Каринъ не принадлежалъ однако къ числу слѣпыхъ его подражателей, не смотря на то, что самъ не обладалъ даромъ оригинальнаго творчества. Образцовъ для подражанія Каринъ искалъ прямо въ томъ источникѣ, изъ котораго обильно черпалъ и самъ русскій Расинъ. Французскую литературу Ѳедоръ Григорьевичъ зналъ очень хорошо и слѣдилъ за ея движеніемъ. Какъ мыслящій и образованный человѣкъ, онъ сочувствовалъ тѣмъ изъ современныхъ ему французскихъ писателей, которые распространяли въ обществѣ просвѣтительныя и гуманныя идеи. Въ числѣ переводовъ Карина, оставшихся въ рукописяхъ, были произведенія не только Расина, но и Гельвеція, и Томаса. Трудно однако съ точностью опредѣлить, какъ далеко простиралась его преданность идеямъ философіи XVIII вѣка. Въ статьѣ М. Н. Макарова: «Каринъ и Костровъ» (*Маякъ* 1840 г., ч. IV), основанной на воспоминаніяхъ дѣтства, Ѳедоръ Григорьевичъ выставленъ отчаяннымъ вольтеріанцемъ и раболѣпнымъ поклонникомъ Дидро. А по свидѣтельству С. Н. Глинки у Карина «и помину не было ни о какомъ вольнодумствѣ философовъ XVIII столѣтія» [1]). Истина находится, вѣроятно, посрединѣ между этими двумя противуположными показаніями.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II образованная часть русскаго общества все болѣе и болѣе стала интересоваться соціальными вопросами, примѣръ чему подала сама императрица изданіемъ въ 1767 году «Наказа коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія». Въ связи съ появленіемъ этого замѣчательнаго произведенія находится начало литературной дѣятельности Карина: въ 1769 году онъ издалъ «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награж-

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 811.

деніяхъ», служившее какъ бы дополненіемъ къ той части «Наказа», которая заимствована изъ знаменитаго сочиненія Беккаріи: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Изъ предисловія къ «Разсужденію» видно, что мысль императрицы объ утвержденіи народнаго благосостоянія на справедливыхъ и гуманныхъ законахъ вполнѣ раздѣлялась Каринымъ, какъ и всѣми передовыми людьми екатерининскаго царствованія «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ «Разсужденію о преступленіяхъ и наказаніяхъ», переведено съ французскаго и напечатано въ Петербургѣ при Морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ [1]). Авторомъ этого анонимнаго сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1766 году подъ заглавіемъ: «Delle virtu e de' premj», былъ маркизъ Гіацинтъ Драгонетти (р. 1738 г., ум. 1818), профессоръ Неаполитанскаго университета и впослѣдствіи президентъ королевскаго суда, извѣстный въ свое время ученый юристъ и литературный противникъ Беккаріи. Разсужденіе Драгонетти было переведено на французскій языкъ артиллерійскимъ капитаномъ Панжерономъ и въ 1767 году напечатано въ Неаполѣ на французскомъ и италіанскомъ языкахъ; другое, болѣе исправное изданіе, появилось въ слѣдующемъ году въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Traités des vertus et des recompenses pour faire suite au Traités de délits et peines, de Beccaria». Русскій переводъ, сдѣланный съ послѣдняго изданія, посвященъ Александру Ильичу Бибикову, избранному 31-го іюля 1767 года въ предсѣдатели общаго собранія депутатовъ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Въ 1770 году Каринъ издалъ «Нравоучительныя мнѣнія, взятыя изъ свойствъ Маріи Владиміровны, графини Салтыковой» [2]). Печатаны при И. М. У. 1770, 4°. Имя автора узнается изъ посвященія А. И. Б. (вѣроятно—Бибикову). Обращаясь къ послѣднему, Каринъ говоритъ:

«Сохраненіе вида достопамятства есть онаго воздояніе, ежели нельзя уже отъ измѣненія спасти его цѣлость. Я, чувствуя колико особа сія заслужила незабвенія, отважился нѣкоторую тѣнь описать ея свойствъ: ихъ участь такая, дабы во всей красотѣ своей они существовали единый разъ. И хотя начертаніе ихъ изъято отъ

---

[1]) Описаніе этой книги находится въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ для русской библіографіи» Н. В. Губерти. Авторомъ „Разсужденія" ошибочно названъ Беккарія.

[2]) Дочь гр. Владиміра Семеновича (1605†1751) и Екатерины Алексѣевны, рожд. княжны Троекуровой. Умерла въ 1769 году въ молодыхъ лѣтахъ.

плѣняющаго и великолѣпнаго остроумія г. Вольтера, отъ гремящаго духа г. Ломоносова, отъ изобразительнаго живописанія г. Брюйера единственнаго и сильнѣйшаго въ изображеніяхъ, и отъ оживляющей пріятности слога и летучаго разума г. Сумарокова, однако Вамъ они посвящаются въ залогъ онаго благодаренія, которое вѣнцомъ и украшеніемъ своимъ достойно Ваше благосклонное пріятіе себѣ имѣть; ибо я предлагаю Вамъ истину непокровенную, которую облачаютъ они краснорѣчіемъ.

«Исторія тако должна повѣствоваться, дабы возвеличивали ея не напыщенныя и не пустыя имена земнаго величества. Величество ея находится въ пользѣ. Августы, Титы, Траяны, Антонины, Сципіоны безъ дѣлъ своихъ—имена не славныя и славы недостойныя, и которыя многочисленностію сдѣлалися бы для сочинителя тяжестію того храма, изъ подъ котораго Самсонъ, исторгнувши столпы, подъ оною погребся.

«Добродѣтельные примѣры во всякомъ лицѣ нравоучительны, слѣдовательно полезны будутъ описуемыя мною свойства. Самохвальство сіе совѣсти моей не зазираетъ. Одобреніе мыслей Вашихъ утверждаетъ ихъ добродѣтельными».

Изобразивъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ нравственныя качества, характеръ и умъ Салтыковой, Каринъ замѣчаетъ: «Никогда разумъ ея не изощрялъ языка ея желчью и не возливалъ на него ласкательства, сего ѳиміама нравовъ испорченныхъ. Она хвалила людей тѣми словами, которыя ее превозносятъ, почитая, что вѣрное представленіе дѣйствій великихъ яснѣе славу ихъ оказать удобно, нежели сколько сильно пестрое сплетеніе и замыслы реченій возвести недостойное въ достоинство. Я слѣдую ея разуму, и складъ оный почитаю бездушнымъ, или испепелившеюся щепою, которая отъ ноги лебезитъ, и коей прахъ одно дохновеніе зефира по воздуху разноситъ. Ей жалостно было видѣть подлости, таскающія на себѣ краснорѣчіе; не терпѣла она, чтобы и во правильномъ осужденіи находилася желчь; ибо въ оной изъясняется правда въ томъ видѣ, который обидитъ. И тако должно должное должному отдавать. Освободятся сильные полагаться на ласкательствѣ и маломочные ласкательство предлагать. Сіе откроетъ средство каждому самого себя познавать, и сѣмя всякаго пристрастія исторгнетъ; прервется стремленіе пустыхъ и ложныхъ сочиненій и воцарятся дѣльныя. Читатель! Я купно съ нею и съ тобою желаю, дабы размышленіемъ опымъ обуздалися Икары россійскіе, мутящіе перстами умъ и чернилы и крыльями икарскими парящіе ко солнцу,

ои растаеваютъ, и летуновъ своихъ оставляютъ среди неба и земли на волю Божію».

Говоря о талантахъ Салтыковой, Каринъ указываетъ на ея артистическія способности:

«Превосходна была дарованіями, для которыхъ ея простирался вкусъ, и глубокимъ чувствованіемъ умѣла выражати всѣ чувствованія страстей. Представленная ею Семира доказала, что есть дарованіе. Она не довольна была въ чувствія свои пріять ея душу, но пронзающимъ ея голосомъ и трогающими тѣлодвиженіями умѣла преложить оную во другія, дать имъ почувствовать удовольствіе сладостное, сострадати страждущему величеству, возмутити человѣколюбіемъ нѣжность ихъ души, воздѣть ихъ длани... но слезы предускорили ихъ плески.

«Г. Майковъ, обрѣтавшійся въ числѣ зрителей, не хотѣлъ на землѣ оставить дара своего сердца, но, онымъ украшая ея дарованія, свой разумъ увѣнчалъ, изъясняя благодареніе свое слѣдующими стихами, говоря о ней:

... Плѣнила всѣхъ сердца,
Далеко превзошедъ желаніе творца.
Здѣсь пѣть достойныя хвалы не можетъ лира,
Какъ дѣйствовала ты, прекрасная Семира.
А ты, преславныя трагедіи творецъ,
Прости мнѣ, что такой стиховъ моихъ конецъ,
Который, можетъ быть, тебя и раздражаетъ;
Но нѣтъ, твой духъ красотъ подобно обожаетъ:
Нельзя, чтобъ ты за то досадовать хотѣлъ,
Что я правдивую хвалу Семирѣ пѣлъ;
А если бы ты самъ случился быть здѣсь съ нами,
Ты бъ лучшими сего воспѣлъ ее стихами» [1]).

Заканчивая характеристику Салтыковой, Каринъ пользуется случаемъ, чтобы воздать хвалу Сумарокову, написавшему элегію на смерть гр. Маріи Владиміровны [2]).

«Стихотворенія г. Сумарокова», говоритъ Каринъ, «доказательство безсмертнаго духа его разума; бѣглая, влекущая и слухъ обворожающая музыка его прозы являетъ, коль истинное пріятство естества ему постижно. Талія играетъ его музыкою. Онъ — нашъ Корнелій, родитель и звѣзда россійскаго театра; но Корнелія Расины, Вольтеры и пр. превосходятъ; а г. Сумароковъ, яко со-

[1]) Въ собраніяхъ сочиненій В. И. Майкова этого стихотворенія нѣтъ.
[2]) Полное собр. сочиненій, ч. IX. М. 1781, стр. 88.

страдающій о замедленіи своего рожденія, что оные насытили таланты свои тѣмъ, чѣмъ ему надлежало питати свои, возревнуя завистію и подобяся Геркулесу, облегчаетъ атлантовъ оныхъ и бремя ихъ на силу свою возлагаетъ и, яко древній рыцарь, волнуемый бодростію своего духа, ищущій безпрестанно соперника, узрѣлъ Фонтена, вознесся предъ нимъ и зеркаломъ ему себя представилъ».

Черезъ пять лѣтъ послѣ изданія «Нравоучительныхъ мнѣній» Каринъ напечаталъ «Слово на торжество мира съ Портою Оттоманскою», 1775 года, іюля 10 дня. Въ Москвѣ, при Государственной военной коллегіи [1]). Сочиненіе это, не выходящее изъ ряда обычныхъ панегириковъ XVIII столѣтія, напечатано безъ имени автора, но приписывается ему митрополитомъ Евгеніемъ и гр. Хвостовымъ. Въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ находится экземпляръ «Слова», на которомъ бывшій владѣлецъ обозначилъ, что онъ получилъ его отъ Ѳ. Карина.

«Слово» написано Каринымъ по случаю годовщины Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, заключеннаго съ Турціей 10-го іюля 1774 г. и содержитъ въ себѣ прославленіе царствованія Екатерины II и дѣятелей Турецкой войны: Голицына, Панина, Долгорукаго и въ особенности Румянцова. Описывая тяжелое внутреннее состояніе Россіи во время войны, авторъ касается Пугачевскаго бунта при чемъ съ благодарностію вспоминаетъ имена Бибикова, Панина, Голицына и Михельсона, содѣйствовавшихъ усмиренію мятежа.

Изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ Карина наибольшаго вниманія заслуживаетъ «Письмо къ Н. П. Николеву о преобразителяхъ россійскаго языка на случай преставленія А. П. Сумарокова», напечатанное въ Москвѣ 8-го января 1778 года [2]). Поводомъ къ сочиненію этого «Письма», появившагося въ свѣтъ безъ имени автора, послужило высокопарное посланіе къ нему Николева [3]),

---

[1]) Это сочиненіе Карина, а равно и предыдущее сообщены намъ въ копіяхъ хранителемъ отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Семеномъ Осиповичемъ Долговымъ, за что и приносимъ ему искреннюю благодарность.

[2]) Краткое описаніе этой рѣдкой и малоизвѣстной брошюры находится въ 3-мъ выпускѣ „Матеріаловъ для русской библіографіи“ Н. В. Губерти. Принадлежность „Письма“ Карину засвидѣтельствована митр. Евгеніемъ и гр. Хвостовымъ. По случаю смерти А. П. Сумарокова Каринъ написалъ еще „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ“, оставшійся не напечатаннымъ (см. Сочиненія *Н. Струйскаго*, ч. I, стр. 190, 305).

[3]) Творенія *Н. П. Николева*, ч. IV. М. 1797, стр. 102—103.

переполненное восторженными похвалами Сумарокову, который умеръ 1-го октября 1777 года. «Письмо» Карина представляетъ собою любопытное явленіе, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ нашей литературной критики, а потому позволимъ себѣ подробно изложить его содержаніе.

Авторъ, слѣдуя примѣру Николева, рѣшается и съ своей стороны принести посильную лепту памяти Сумарокова, котораго причисляетъ къ разряду великихъ людей. «Великіе же люди», говоритъ Каринъ,—«не только отечеству, но цѣлому свѣту полезны» и въ подтвержденіе своей мысли указываетъ на значеніе философіи Декарта для всей Европы. «Безъ нихъ», продолжаетъ онъ,—«самыя науки, сіи благородныя государствъ сокровища, останавливаются на подобіе непроточныхъ водъ». Развивая эту мысль, авторъ переходитъ уже на чисто литературную почву и проводитъ параллель между французскими и русскими писателями, оказавшими наибольшія заслуги въ прогрессивномъ движеніи литературы. «Давно», замѣчаетъ онъ,—«во Франціи, какъ и у насъ, говорено было о Платонахъ и Златоустахъ; однако ихъ не было, доколѣ тамъ не родился Бурдалу, а здѣсь Өеофанъ». Мальгербъ и Томасъ замѣнили собою Пиндара и Цицерона, которыхъ въ Россіи олицетворяетъ одинъ Ломоносовъ. Отдавая пальму первенства французскимъ «творцамъ» передъ Горацiемъ, Федромъ, Софокломъ, Эврипидомъ, Менандромъ и Теренціемъ, Каринъ сравниваетъ съ ними Сумарокова, «который ежели не столько успѣлъ въ родѣ Гораціевомъ, какъ Боало, то въ родѣ Федровомъ едвали не превзошелъ Фонтена». «И ежели нашъ Эврипидъ», продолжаетъ онъ, «долженъ уступить Эврипиду французскому, потому что тотъ первый, а сей второй, то Софоклъ нашъ, конечно, больше Софокла французскаго, будучи самъ отцемъ не токмо таковаго же театра, но преобразителемъ своего языка и лучшимъ нежели тотъ писателемъ, который, хотя не изобразилъ намъ Мольера, а показалъ одну лишь стезю къ нему, но произвелъ такія эклоги, каковыхъ Франція не имѣетъ еще и понынѣ. Къ симъ родамъ прибавилъ онъ родъ драмы оперы и прочія, толь прекрасныя стихотворенія, что каждымъ бы изъ оныхъ, при которомъ бы онъ ни остался, могъ себѣ пріобрѣсти безсмертіе».

Считая Өеофана Прокоповича, Ломоносова и Сумарокова «главными преобразителями россійскаго языка», Каринъ признаетъ заслуги на этомъ поприщѣ и многихъ второстепенныхъ русскихъ

дѣятелей, изъ которыхъ Поповскій и Козицкій, по его мнѣнію, занимаютъ наиболѣе видное мѣсто.

Прежде чѣмъ говорить о заслугахъ «главныхъ преобразителей» языка, Каринъ прибѣгаетъ къ объясненію причинъ, вызвавшихъ ихъ преобразовательную дѣятельность. Объясненія эти на столько замѣчательны для своего времени, что мы ихъ приводимъ вполнѣ.

«Хотя всякаго сочиненія первое достоинство—ясность, однако многіе плѣняются пухлымъ, перепутаннымъ и совсѣмъ отмѣннымъ отъ вольной рѣчи слогомъ для того только, что онъ непонятенъ; а за то и называютъ его высокимъ или громкимъ, а ясную рѣчь, потому что имъ она внятна, почитаютъ низкою. Но таковые странные суды не высокость похваляемаго ими сочинителя, а только собственную низость свою изъявляютъ. Для высокой мысли не всегда потребенъ высокій слогъ. Мысль можетъ изъ пышныхъ словъ состоять малая, и подъ самыми простыми выраженіями заключаться великая; а иногда и тѣмъ и другимъ образомъ начертаться. Желательно, чтобы всѣ такія дикости были презираемы, такъ какъ презрительно невѣжество ихъ почитателей.

«Полагая ясность главною слова изящностію, должно въ немъ избѣгать не только темноты, происходящей отъ несвойственнаго сложенія рѣчи, но и всего того, что отъ времени, или отъ измѣны въ разговорѣ или отъ чего другаго дѣлается непонятнымъ. Какая вышла изъ того прибыль въ витійствѣ, когда слогъ пишущихъ не вразумителенъ сталъ говорящимъ? Для чего? Для того, что перестали такъ говорить, какъ писали. Если языки, находящіеся въ однѣхъ книгахъ, почитаются мертвыми, то и славянскій нашъ языкъ, вышедшій изъ общаго употребленія, сталъ уже мертвъ. А по сему не чудно-ли въ наше время стараться имъ писать; и не чуднѣе-ли еще того почитать окончанія и склоненія нашей рѣчи по свойству его отмѣнно умилительными? Ужасная разность между нашимъ языкомъ и славянскимъ, происшедшая почти во всѣхъ частяхъ его рѣчи, которыхъ и самыя знаменованія одни переиначены, другія оставлены, а нѣкоторыя учинились совсѣмъ не вразумительными, часто пресѣкаетъ у насъ способы изъясняться на немъ съ тою вольностію, которая одна оживляетъ краснорѣчіе и которая пріобрѣтается не инымъ чѣмъ, какъ ежедневнымъ разговоромъ. Сверхъ же сего, имѣя на славянскій языкъ только три или четыре грамматики, и то недостаточныя, какимъ образомъ можемъ сочинить въ немъ новое выраженіе, или новое слово, и знать, въ чемъ больше его красоты,

либо исправности? [1]) Одна уже просодія его чрезъ толикое превращеніе нынѣ стала нашему слуху несносна.

«Правила каждаго языка производятся изъ его свойства, а перемѣны его изъ употребленія разговорнаго, и потому книжныя реченія пребываютъ въ непремѣнномъ своемъ положеніи, а разговорныя выходятъ за границы его свойствъ и дѣлаютъ такія въ немъ перемѣны, что наконецъ становится онъ несходенъ самъ съ собою. Если-же быть столько легкомысленну, чтобы полагать въ томъ красоту нынѣшняго нашего языка, дабы только поддѣлываться къ славянскому, то будемъ мы изъясняться не своею, а чужою рѣчью; и въ такомъ слабомъ ему подражаніи покажемъ себя рабовъ неключимыхъ и едва-ль не навлечемъ на себя такого-жъ нареканія, какому подвержены латинисты нынѣшняго времени.

«Сіе-то, какъ кажется, подало причину великимъ нашимъ творцамъ обратить взоры свои на другой и тотъ языкъ. Какъ искусный садовникъ молодымъ прививкомъ обновляетъ старое дерево, очищая засохлыя на немъ лозы и тернія, при корени его растущія, такъ приведенные мною здѣсь великіе писатели поступили въ преображеніи нашего языка, который самъ по себѣ былъ бѣденъ, а поддѣланный къ славянскому сдѣлался уже безобразенъ. Они, не перемѣняя его естества, но почерпая въ одномъ пристойныя намъ, а въ другомъ собственныя красоты, и очистивъ его отъ гречества, латинства и всего ему несвойственнаго, произвели способное и богатое слово».

Приступая къ оцѣнкѣ заслугъ главныхъ «преобразителей» русскаго языка, Каринъ начинаетъ съ Ѳеофана Прокоповича, «который первый отошелъ отъ первообразности славянскаго языка и для того ввелъ употребительное нарѣчіе, дабы быть для каждаго вразумительну». Благодаря Ѳеофану, «церковная каѳедра взошла на такую степень совершенства, какой только желать можно».

Ломоносовъ, «будучи основателемъ свѣтскія каѳедры, открылъ не только свойственности, сочиняющія высокое сложеніе рѣчи, но, возносяся въ высочайшіе предѣлы воображенія, при силѣ, крѣпости и согласіи славянскаго языка, такое далъ богатство и великолѣпіе нашему языку, какого тотъ не имѣетъ. Если-жъ перо г. Ломоносова иногда отягощало свои описанія, выходило за границы истины,

---

[1]) Каринъ занимался составленіемъ русской грамматики, отрывки изъ которой остались въ рукописяхъ (Лирическія стихотворенія гр. *Хвостова*, т. I, стр. 304).

иногда было излишне подробное, не ровное и не для всякаго рода сочиненій удобное, какъ то и доказали его трагедіи; то не качеству языка, а качеству сочинителя приписать должно; но что оно было возвышательно, блистательно, вольно, стремительно въ изображеніи мыслей, что оно возносило до небесъ славу своихъ государей, показывало остроуміе, громкаго лирика и ритора быстропарнаго, то и качеству языка, и качеству автора принадлежитъ.

«Но собрать все, что ни есть въ содержаніи всего прекраснѣе, благороднѣе и простѣе; слѣдовать во страсти не уму, но чувствіямъ, въ чувствіяхъ не должности, но сердцу; говорить предъ государями съ такою смѣлостію, которая вдыхаетъ къ самому человѣчеству почтеніе; быть столько раздѣлительну, чтобы каждой мысли давать свое мѣсто—есть свойство г. Сумарокова. Онъ, чувствуя коль старый нашъ языкъ противенъ трагедіи, страненъ комедіи, суровъ для элегіи, высокъ для эклоги, нескладенъ для оперы, тяжелъ для притчей, и коль сатиры Кантемировы оказываютъ для себя непріятность, преодолѣлъ всѣ сіи препятствія, проникъ до самаго источника красоты стихотворства и простой рѣчи и тѣмъ преобразилъ его и далъ ему новую силу. Сей великій писатель превосходенъ еще тѣмъ, что въ немъ ничего не видно такого, чтобы не свойственно было московскому нарѣчію.

«Итакъ», восклицаетъ Каринъ, «имѣя предъ глазами во всѣхъ родахъ письма толь прекрасные примѣры въ живомъ нашемъ языкѣ, какая намъ нужда запутываться нынѣ въ умершемъ славянскомъ!»

«Письмо» Карина появилось въ то переходное время, когда литературный языкъ нашъ готовился вступить въ новый фазисъ своего развитія, и вопросъ о необходимости сближенія книжнаго языка съ разговорнымъ, задѣтый еще Тредіаковскимъ, послѣ Ломоносова пріобрѣталъ все большее и большее значеніе. Съ семидесятыхъ годовъ замѣчается усиленное стремленіе къ совершенствованію русской письменной рѣчи. Нѣкоторые писатели, частію сознательно, частію безсознательно, начинаютъ дѣйствовать уже въ духѣ грядущей реформы, подготовляя почву Карамзину, который только съ 1791 года [1]) вступаетъ въ открытую борьбу съ литературными старовѣрами. Къ числу писателей новаго направленія принадлежалъ и Ѳ. Г. Каринъ. Въ «Письмѣ о преобразителяхъ россійскаго языка» онъ является критикомъ слога тѣхъ писателей Ломоносовской школы, которые, держась теоріи трехъ «штилей», уклонились отъ рекомен-

[1]) Въ Московскомъ Журналѣ.

дованнаго самимъ Ломоносовымъ «разсудительнаго употребленія церковно-славянскаго языка» и стали злоупотреблять послѣднимъ. Такимъ образомъ Каринъ гораздо ранѣе Карамзина высказался въ печати противъ того «краснорѣчиваго смѣшенія славенскаго величаваго слога съ простымъ россійскимъ», которое впослѣдствіи усердно пропагандировалось Шишковымъ и заклеймено было прозвищемъ «мнимаго славяноросcійскаго языка». Но, не смотря на ясное пониманіе вопроса, практическое разрѣшеніе его не соотвѣтствовало авторскимъ силамъ Карина. Подкрѣпить свои теоретическія сужденія такими образцами, какіе далъ Карамзинъ, онъ не сумѣлъ, и потому долженъ быть поставленъ въ рядъ только теоретическихъ его предшественниковъ.

Въ концѣ декабря 1778 года состоялось открытіе Владимірскаго намѣстничества. По этому случаю Каринъ, бывшій помѣщикомъ во Владимірской провинціи, написалъ «Слово», которое и было напечатано въ Москвѣ, въ 1779 году. Сочиненіе это, указанное митрополитомъ Евгеніемъ, графомъ Хвостовымъ и Сопиковымъ, намъ неизвѣстно: его не оказалось въ общественныхъ книгохранилищахъ Петербурга и Москвы.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Карину приписывается еще слѣдующій: Фанелія или заблужденія отъ любви, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненная госпожею ***. Съ французскаго на россійскій перевелъ Ф. К. Въ С.-Петербургѣ, при Императорскомъ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1785. Эта «госпожа ***» есть псевдонимъ французскаго писателя Бартелеми Амбера (р. 1747 г.., ум. 1790). Въ числѣ его произведеній находится и романъ: «Les égarements de l'amour, ou lettres de Fanély et de Milfort», напечатанное въ Парижѣ въ 1776 году, въ 2-хъ томахъ, и въ Лондонѣ, въ 1793 году, въ 3-хъ томахъ. Въ XVIII столѣтіи романъ этотъ былъ переведенъ на русскій языкъ и напечатанъ дважды: въ 1788 году, въ Москвѣ, безъ имени переводчика, съ посвященіемъ вице-губернатору Тобольскаго намѣстничества, Ивану Осиповичу Селифонтову, и въ 1790 году, въ Тамбовѣ. Послѣдній переводъ принадлежитъ княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ Голицыной. М. Н. Макаровъ переводчикомъ «Фанеліи» называетъ Карина. Но это собственно не переводъ, а самостоятельная передѣлка романа въ драму, такъ какъ во французской литературѣ, сколько намъ извѣстно, подобной драматической піесы не существуетъ.

Митрополитъ Евгеній и М. Н. Макаровъ приписываетъ Ѳ. Г. Карину еще слѣдующій переводъ: Иѳигенія, трагедія въ 5-ти дѣй-

ствіяхъ, на россійскіе стихи свободно переложенная съ г. Расина. М. Въ вольной типографіи А. Рѣшетникова. 1796.

Несомнѣнно, что Каринъ переводилъ «Іѳигенію», но по свидѣтельству гр. Хвостова, трудъ его остался не напечатаннымъ. Кромѣ того, Каринъ имѣлъ въ виду представить точный, а не вольный переводъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Глинка, познакомившійся съ Каринымъ въ 1797 году: «Іѳигенію онъ нѣсколько разъ переводилъ отъ перваго до послѣдняго стиха и, плѣняясь французскимъ подлинникомъ, переносилъ въ свои стихи даже строчные знаки. Я сперва возражалъ на это, что языкъ имѣетъ свои обороты и что должно передавать духъ писателя, а не внѣшнюю оболочку его слога, но наконецъ уступилъ его настойчивости» [1]). Замѣтилъ еще, что «посвященіе отъ трудившагося въ переводѣ» неизвѣстной особѣ по характеру своему не соотвѣтствуетъ ни возрасту Карина, ни его болѣзненному въ то время состоянію: трудно допустить, чтобы шестидесятилѣтній подагрикъ, прикованный къ креслу, могъ выражаться такимъ образомъ:

На сладостныхъ твоихъ и розовыхъ устахъ
Воспламеню свой духъ; на бѣлыхъ же грудяхъ
Свой разумъ соберу, тоскою расточенный,
Любовью напою всѣ чувствія смятенны.
Пронзитъ тебя Амуръ преострою стрѣлой—
Игры, веселости пребудутъ жребій мой.
Даруютъ мнѣ твои любезны сердцу очи
Всерадостные дни, любови полны ночи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о братьяхъ Ѳ. Г. Карина, которые также трудились на литературномъ поприщѣ.

Старшій изъ нихъ, Александръ Григорьевичъ, учился сперва въ дворянской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ. Уже въ 1756 году онъ значится въ спискахъ благородныхъ учениковъ гимназіи, вмѣстѣ съ Г. А. Потемкинымъ, Борисомъ Салтыковымъ, Д. Фонвизинымъ и др. Средній братъ, Николай Григорьевичъ, также обучался въ университетской гимназіи. Имя его встрѣчается въ спискахъ учениковъ за 1757—1759 гг. Въ 1757 году директоръ университета Мелиссино, отправляясь въ Петербургъ, взялъ съ собою для представленія куратору двухъ студентовъ и 16 дворянъ, обучавшихся въ гимназіи, именно тѣхъ, «которые наибольше прилежностію своею себя предъ прочими оказали». Въ числѣ ихъ

---

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1863 г., № 4, стр. 811.

находились и братья Карины. Они дѣйствительно отличались прилежаніемъ и при переходѣ въ высшіе классы получали награды. Объ Александрѣ Каринѣ упоминаетъ въ своей автобіографіи и Богдановичъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ студентовъ Московскаго университета.

27-го іюля университетскіе питомцы были представлены И. И. Шуваловымъ императрицѣ и «всѣ были жалованы къ рукѣ, а нѣкоторые удостоились говорить». Императрица «для лучшаго одобренія и поощренія юношества въ наукахъ», по представленію Шувалова, наградила всѣхъ чинами, кромѣ тѣхъ, которые числились уже въ службѣ. Послѣдніе остались въ тѣхъ же чинахъ съ обѣщаніемъ производства по старшинству, когда получатъ изъ университета аттестаты въ военную или въ гражданскую службу. Къ числу такихъ относился и А. Каринъ. Братъ же его произведенъ въ капралы гвардіи съ правомъ проситься въ тотъ полкъ, куда пожелаетъ [1]). Поступивъ въ л.-гв. Конный полкъ, онъ 19-го апрѣля 1765 г. былъ произведенъ въ корнеты [2]), а въ 1768 году скончался въ чинѣ поручика [3]). Въ числѣ дворянъ Московской губерніи и уѣзда, подписавшихъ въ 1767 году наказъ, данный депутату П. И. Панину въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, находится и имя Николая Карина [4]).

Александръ Каринъ по окончаніи университетскаго курса служилъ въ Конномъ полку и принималъ участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II. 3-го августа 1762 г. онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ корнеты, а 22-го сентября 1769 г. умеръ въ Саратовѣ, въ чинѣ поручика, находясь тамъ съ командою, при коммиссіи, по дѣламъ Соляной конторы [5]).

Ал. Каринъ, по отзыву Новикова, «былъ превеликій любитель словесныхъ наукъ, искусенъ довольно въ нѣкоторыхъ иностранныхъ и въ своемъ природномъ языкѣ; имѣлъ не малое просвѣщеніе и

---

[1]) *Моск. Вѣдомости* 1757 г., № 101; 1758 г., Прибавленіе къ № 101.— *Отеч. Записки* 1853 г., т. 87, апрѣль, Смѣсь, стр. 184.—Исторія Московскаго университета, стр. 48, 49. Біографическій словарь питомцевъ Московскаго университета.

[2]) *И. В. Анненковъ*. Исторія л.-гв. Коннаго полка, ч. IV. С.-Пб., 1849, стр. 62.

[3]) Словарь Новикова.

[4]) *Д. В. Полѣновъ*. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, ч. I. С.-Пб., 1869, стр. 236.

[5]) *Анненковъ*, ч. IV, стр. 55.

библіотеку изъ наилучшихъ иностранныхъ и россійскихъ книгъ [1]). Его сочиненія довольно показываютъ остроту его разума и многими знающими людьми похваляются. Словомъ, онъ превеликую подавалъ надежду показать въ себѣ хорошаго стихотворца». Мелкія стихотворенія Карина печатались въ журналахъ Хераскова: *Полезное Увеселеніе* 1660—1761 гг. и *Свободные Часы* 1763 г. Изъ отдѣльно напечатанныхъ произведеній его извѣстны слѣдующія:

1) Графъ Карамелли, драма комическая (въ 3 д.) на музыкѣ, для представленія на московскомъ театрѣ лѣтомъ 1759 г. Перевелъ учащійся при И. М. У. л.-гв. Коннаго полка квартермистръ Ал. Каринъ. Печатано при Московскомъ университетѣ. На русскомъ и италіанскомъ языкахъ.

Въ 56-мъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* за этотъ годъ находится такое извѣщеніе: «16-го іюня 1759 г., въ пятницу, на оперномъ Московскомъ театрѣ представлена будетъ новая опера, называемая «Графъ Карамелла или ночной барабанъ», и начнется точно въ половинѣ 7-го часа пополудни».

Въ январѣ того же года, въ Петербургѣ, на театрѣ Зимняго дворца, была играна піеса: «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый, аглинская комедія (въ 5 д.), расположенная по французскому театру, переведенная съ французскаго изъ Детуша А. Нартовымъ» [2]).

Обѣ піесы имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ: «The drummer, or the haunted house»—произведеніе знаменитаго Аддисона, представленное въ 1715 году. Отсюда Детушъ заимствовалъ сюжетъ для своей комедіи: «Le tambour nocturne, ou le mari devin», выдержавшей три изданія: 1736 г. (Парижъ), 1754 г. (Амстердамъ), 1765 г. (Парижъ). Комедія Детуша въ свою очередь была переведена стихами на италіанскій языкъ сенаторомъ Джуліо Ручеллаи и напечатана во Флоренціи въ 1750 году подъ заглавіемъ: «Tamburo». Что же касается «Графа Карамелли», то піеса эта, по всей вѣроятности, представляетъ собою передѣлку «Tamburo».

2) Ода на день восшествія на престолъ Елизаветы. С.-Пб., 1759.

3) Ода на восшествіе на престолъ Екатерины II. С.-Пб., 1762.

Кромѣ того, А. Каринъ сочинилъ комедію «Россіянинъ, возвра-

---

[1]) Библіотеку свою (до 3000 томовъ) Каринъ не задолго до смерти подарилъ племяннику своему, Д. И. Хвостову (*Русск. Старина* 1892 г., № 6, стр. 572).

[2]) *Носовъ*. Хроника русскаго театра. М. 1883, стр. 137.

тившійся изъ Франціи», которая осталась неизданною, и началъ писать трагедію: «Антигона», но, недокончивъ ее, умеръ [1]).

Николай Каринъ также занимался литературой, но написалъ немного. По отзыву Новикова, «сочиненныя имъ разныя стихотворенія, напечатанныя въ московскихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, весьма изрядны и довольно похваляются». Но въ періодическихъ изданіяхъ того времени подписи Н. Карина не встрѣчается, и потому нѣтъ возможности опредѣлить, что именно онъ написалъ. Сопиковъ приписываетъ Н. Карину переводъ сочиненія Стерна: «Письма Іорика къ Элизѣ», напечатанный въ Москвѣ въ 1795 году. Но сомнительно, чтобы переводъ Карина появился въ печати спустя 27 лѣтъ по смерти его. Предполагаемъ опечатку или ошибку Сопикова, провѣрить котораго мы не имѣли возможности.

---

[1]) Словарь митрополита Евгенія.

Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1890. 8°. 40 к.

Поверстная и указная книги ямскаго приказа *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Спб. 1890. 8°. 40 к.

Къ вопросу объ организаціи библіографическаго труда. *Н. М. Лисовскій.* Спб. 1890. 8°. 25 к.

Историческое общество при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. 1889 — 1890. Протоколы засѣданій и отчеты. Спб. 1891. 8°. 50 к.

Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка. *С. М. Середонинъ.* Спб. 1891 8°. 50 к.

Яковъ Өедуловичъ Березинъ-Ширяевъ, библіофилъ и библіографъ. Біографическій очеркъ. (Съ портретомъ). Спб. 1891. 8° 40 к.

Источники Чертежной книги Сибири Семена Ремезова. *Н. Н. Оглоблинъ.* Спб. 1891. 8°. 40 к.

Иванъ Александровичъ Голышевъ. Къ 30-тилѣтію его научной дѣятельности. *Е. Ф. Шмурло.* Спб. 1891. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1891. 8°. 40 к.

Современникъ или записки для потомства А. Т. Болотова. II. Сообщилъ редакціи Библіографа» *Н. В. Губерти.* Спб. 1891. 8°. 50 к.

Сергѣй Александровичъ Соболевскій. Изъ воспоминаній библіофила. (Съ портретомъ). *Я. Ө. Березинъ-Ширяевъ.* Спб. 1892. 8°. 40 к.

Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ. Изъ воспоминаній библіофила. (Съ портретомъ). *Я. Ө. Березинъ-Ширяевъ.* Спб. 1892. 8°. 40 к.

Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси XVII вѣка. *Вл. Ө. Боцяновскій.* Спб. 1892. 8°. 30 к.

Начала библіографіи въ Греціи и таблицы Каллимаха. *А. Н. Маленнъ.* Спб. 1892. 8°. 40 к.

Засѣчныя книги какъ историко-географическій и археологическій источникъ. *В. Н. Сторожевъ.* Спб. 1892. 8°. 40 к.

Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX столѣтія. *Н. П. Полетаевъ.* Спб. 1892. 8°. 75 к.

Замѣтки къ исторіи древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. I—VIII. *Н. М. Тупиковъ.* Спб. 1892. 8°. 75 к.

Библіотека Сибирскаго митрополита Игнатія, 1700 г. *Н. Н. Оглоблинъ.* Спб. 1892. 8°. 30 к.

Изъ старыхъ лекцій о стихосложеніи. Проф. *А. И. Соколовъ.* Спб. 1892. 8°. 30 к.

Новые матеріалы для біографіи И. С. Тургенева. *Н. М. Лисовскій.* Три письменныхъ отвѣта Тургенева на магистерскомъ экзаменѣ, сообщенныхъ *А. Н. Вороновымъ.* (Съ портретомъ и fac-simile). Спб. 1892. 8°. 75 к.

Изъ переписки канцлера графа Н. П. Румянцова. (Съ портретомъ и fac-simile). *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1892. 8°. 75 к.

Церковно-славянскія стихотворенія конца IX—начала X вѣковъ. Проф. *А. И. Соболевскій.* Спб. 1892. 8°. 40 к.

Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой. *М. Н. Мазаевъ.* Спб. 1892. 8°. 50 к.

«Библіографъ» съ 1885 по 1892 г. по 5 руб. за годовой экземпляръ.

Всѣ эти изданія продаются въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» А. С. Суворина (Спб., Невскій, 38), Н. Г. Мартынова (Спб., Невскій, 46) и въ редакціи (Спб., Забалканскій просп., д. 7, кв. 13).

БИБЛІОГРАФЪ

1893. ЖУРНАЛЪ **Годъ IX.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Съ портретами. снимками съ книгъ гравюръ. рукописей и т. п.

Отд. 1-й. (Лѣтопись Литературы и книговѣдѣнія): 1) Исторія литературы и просвѣщенія (изслѣдованія, статьи и матеріалы). 2) Книговѣдѣніе. Прошлое и настоящее книжнаго дѣла: книгопечатанія, библіотековѣдѣнія, книжной торговли, книгоиздательства и т. п. 3) Критика и библіографія. 4) Разныя извѣстія и замѣтки: вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) Каталогъ новыхъ книгъ. 2) Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3) Rossica (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи). 4) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. 5) Замѣтки о новыхъ книгахъ. 6) Библіографическія извѣстія и объявленія.

Въ **приложеніяхъ** печатаются отдѣльныя работы по библіографіи и прочимъ отдѣламъ, входящимъ въ программу журнала.

Журналъ „Библіографъ" **РЕКОМЕНДОВАНЪ** Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ;— **ОДОБРЕНЪ** Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ;—**ПОМѢЩЕНЪ** по распоряженію Военно-Ученаго Комитета въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Въ Журналѣ принимаютъ участіе:

В. А. Алексѣевъ. А. Н. Барбашевъ. проф. Н. И. Барсовъ. Я. О. Березинъ-Ширяевъ. акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. [illegible] Н. Гранилевскій. И. В. Быковъ. Н. Н. Вакуловскій. Н. В. Губерти. И. В. Дмитровскій. В. Г. Дружининъ. проф. М. А. Дьяконовъ. Г. Г. Зиновьевскій. К. А. Ивановъ. проф. В. С. Иконниковъ. Д. О. Кобеко, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій. Н. П. Лихачевъ. Х. М. Лопаревъ. А. Г. Лященко. акад. Л. Н. Майковъ. А. Г. Маленинъ. В. Н. Можаевъ. Н. Н. Оглоблинъ. В. Н. Перетцъ. проф. С. О. Платоновъ. Н. Н. Полетаевъ. С. Н. Пономаревъ. А. А. Савичъ. В. И. Сайтовъ. С. М. Середонинъ. проф. А. И. Соболевскій. В. Ө. Солнцевъ. В. И. Срезневскій. С. Л. Степановъ. В. Н. Сторожевъ. А. А. Титовъ. Н. М. Тупиковъ. Н. М. Устимовичъ. Н. Д. Чечулинъ. Н. А. Шляпкинъ. проф. Е. Ф. Шмурло. Д. Д. Языковъ.

— ПОДПИСНАЯ ЦѢНА —

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** р., за-границу **6** р.

Отдѣльно нумеръ: перваго отдѣла 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.; втораго отдѣла 25 к., съ перес. 40 к.

Плата за объявленія: страница—12 р.; ¾ стран.—10 р.; ½ стран.—7 р.; ¼ стран.—4 р.; ⅛ стран.—2 р. 50 к.

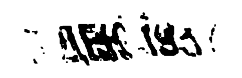
О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

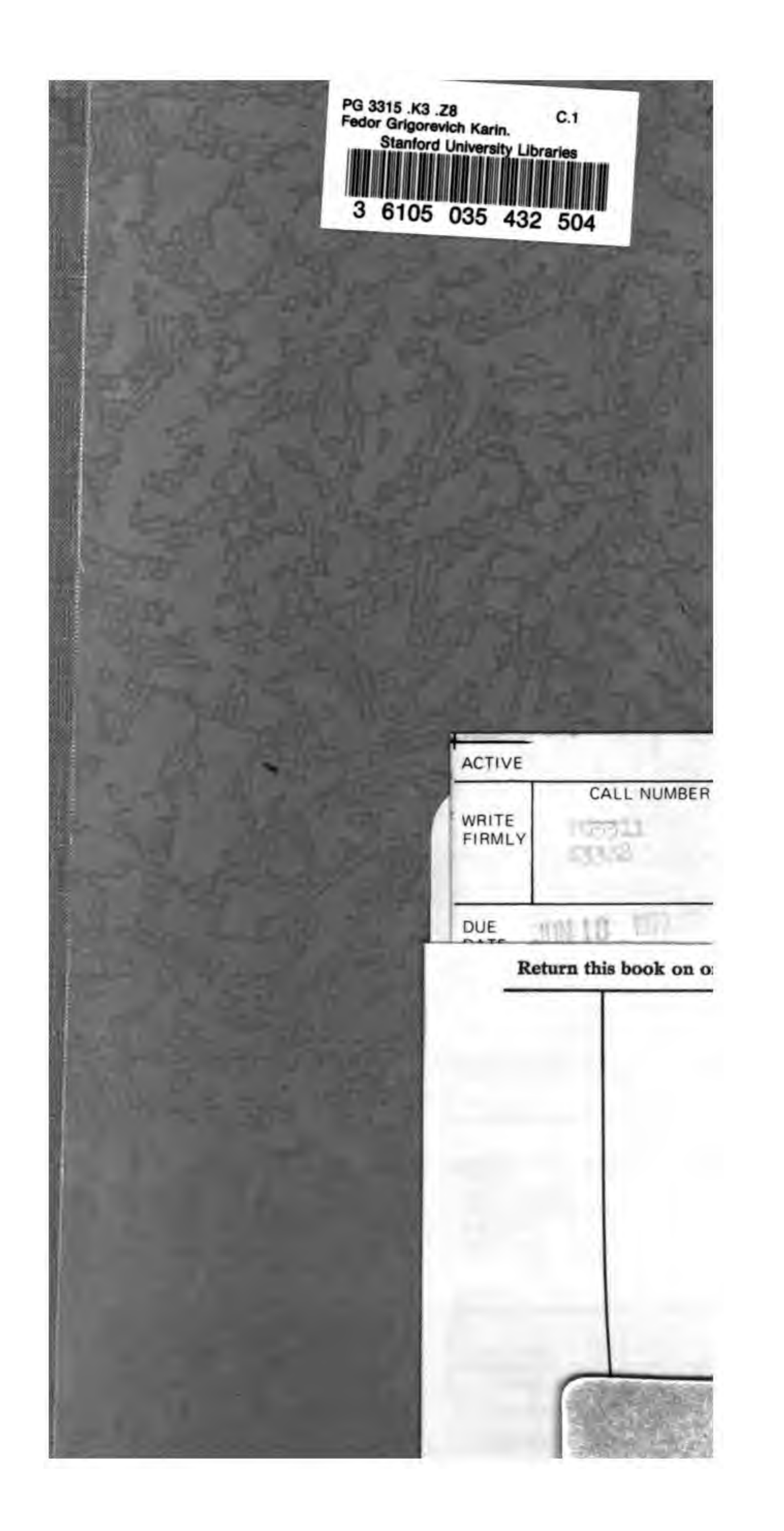
ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" — А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. — Гг. иногородные подписчики и заказчики [illegible] благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7, кв. 13.

Осталось въ **ограниченномъ числѣ** полные комплекты **Библіографа** за прежніе годы съ 1885 г., продаются по 5 р. [illegible] перес. [illegible] годовой экземпляръ.—[illegible]

[illegible] **Н. М. Лисовскій.**

PG 3315 .K3 .Z8
C.1
Fedor Grigorevich Karin.
Stanford University Libraries
3 6105 035 432 504
ACTIVE
CALL NUMBER
WRITE
FIRMLY
DUE
Return this book on o